

К. М. Худолей*

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СУБЪЕКТАХ РФ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ

Анализируются вопросы регламентации законодательного процесса в субъектах РФ в решениях конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Раскрываются спорные положения теории и практики конституционного правосудия. Обсуждаются предложения по изменению законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: конституционный (уставный) суд, законодательный процесс в субъектах Российской Федерации, практика конституционного правосудия

Questions of regulation of legislative process in subjects of the Russian Federation in decisions of the constitutional (statutory) courts of subjects of the Russian Federation are analyzed. Disputable positions of theory and practice of the constitutional justice are revealed. Offers on legislation and judiciary practice change are discussed.

Key words: constitutional (statutory) court, legislative process in subjects of the Russian Federation, practice of the constitutional justice

Законодательный процесс в субъекте РФ — это урегулированный законом или специальным актом парламента (регламентом) порядок парламентской деятельности, связанный с изданием закона. Таким образом, законодательный процесс в субъекте РФ имеет нормативное регулирование (конституция или устав, законы, регламент парламента). Однако важную роль в регламентации законодательного процесса играют также акты конституционных (уставных) судов субъектов РФ, в первую очередь по делам об официальном толковании основных законов. В актах толкования основных законов происходит конкретизация абстрактных конституционных положений, восполняются пробелы в законодательном регулировании, устраняется возникшая неопределенность в смысле толкуемых положений, которая препятствовала их реализации. Как отмечается в юридической литературе, неясность смысла отдельных положений Основного закона обусловливает появление «второго законодателя» — того, кто толкует¹. Другими словами, конституционные (уставные) суды, осуществляя правотолковательную деятельность, фактически выполняют правотворческие функции.

Официальное разъяснение Основного закона, данное конституционным (уставным) судом, является составной частью, «продолжением» толкуемого текста. В неразрывной связи с толкуемым актом акт толкования конституции (устава) субъекта РФ фактически регламентирует общественные отношения, в том числе по вопросам законодательного процесса в субъекте РФ. При этом исключается иное понимание и применение толкуемых положений любыми субъектами конституционных отношений, поскольку решения конституционных судов носят общеобязательный характер. Все участники конституционных отношений могут черпать действительный смысл положений конституций (уставов) субъектов РФ из решений конституционных (уставных) судов о толковании основных законов субъектов РФ. Сказанное позволяет сделать вывод, что акты конституционных (уставных) судов не только разъясняют смысл положений основных законов, но и выполняют конкретизирующую, регламентирующую и правообес-

* Худолей Константин Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и финансового права юридического факультета Пермского государственного университета (Пермь). E-mail: dkhudolej@yandex.ru.

печительную, познавательную и сигнализирующую функции². В этом качестве акты органов конституционного (уставного) правосудия выступают особыми (производными) источниками права, сфера и юридическая сила действия которых обусловлены толкуемыми актами³.

В результате такой правотворческой деятельности конституционных (уставных) судов осуществляется «преобразование» региональных основных законов, под которым принято понимать совокупность фактов существенного изменения смысла их отдельных положений при сохранении неприкосновенности текста⁴. При этом, как отмечают исследователи, весьма значительное место среди фактов «преобразования» конституций (уставов) субъектов РФ занимают случаи толкования положений региональных основных законов в части регламентации законотворческих процедур и формы нормативных актов⁵.

Законодательный процесс протекает в виде последовательно сменяющих друг друга стадий. В решениях конституционных (уставных) судов правовая регламентация практически каждой стадии нашла свое выражение. В связи с этим Н. В. Витрук пишет, что конституционный суд разъясняет процедурные правила с целью единообразного понимания законотворческого процесса всеми его участниками, что находит последующее отражение в регламентах парламента, в законах⁶. М. А. Митюков подчеркивает, что законодательный процесс, весьма схематично определенный в Конституции, почти полностью сейчас «развернут» постановлениями конституционного суда⁷.

Так, в решениях региональных органов конституционной (уставной) юстиции были интерпретированы нормы основных законов субъектов РФ о форме нормативных правовых актов, принимаемых парламентами, например о разграничении обыкновенных и конституционных законов. Конституционный суд Республики Саха (Якутия) указал, что конституционный закон рассматривается Палатой представителей, а затем рассматривается и принимается Палатой Республики либо принимается Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по вопросам, прямо предусмотренным Конституцией Республики. Его нормы исходят из установлений Основного закона, конкретизируют их и не противоречат им. Обыкновенные законы принимаются по вопросам, отнесенным к ведению Палаты представителей и Палаты Республики Государственного Собрания (Ил Тумэн). Нормы обыкновенного закона соответствуют Основному закону и согласованы с конституционным законом, подлежат толкованию Палатой представителей⁸.

Стоит отметить, что в науке конституционного права существует позиция, согласно которой принятие федерального конституционного закона не всегда увязывается с непосредственным указанием на это в Конституции Российской Федерации⁹. Федеральный законодатель придерживается именно этой позиции, в силу чего Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ «О дисциплинарном судебном присутствии»¹⁰ был принят, несмотря на отсутствие упоминания о нем в Конституции Российской Федерации.

Рассмотрение регламентации законодательного процесса в решениях органов конституционной юстиции следует начать со стадии законодательной инициативы. В конституционной практике ряда субъектов РФ возникла правовая неопределенность в связи с предоставлением права законодательной инициативы некоторым субъектам.

Во-первых, к числу таких органов относится прокурор субъекта РФ. Согласно ст. 9 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных нормативных правовых актов. В некоторых субъектах РФ в конституциях (уставах) было закреплено право прокуроров субъектов РФ обращаться с законодательной инициативой в законодательные (представительные) органы субъектов РФ.

Например, подобное право было предоставлено прокурору Республики Саха (Якутия)¹¹. Однако прокурор субъекта РФ обладает не общим правом законодательной инициативы, а только ограниченным, вытекающим из статуса прокуратуры как органа, надзирающим за законностью. Поэтому прокурор субъекта РФ реализует право законодательной инициативы лишь в связи с исполнением своих полномочий. Данная правовая позиция, не противоречащая федеральному законодательству, была сформулирована Конституционным судом Республики Саха (Якутия) в Постановлении от 25 февраля 1999 г. № 2-П по делу о толковании нормы части первой статьи 59 Конституции Республики Саха (Якутия) о праве законодательной инициативы прокурора Республики¹². В решении суд указал, что прокурор Республики Саха (Якутия) имеет право вносить проекты законов в Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) в связи с реализацией его полномочий по надзору за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Законопроект, предложенный прокурором Республики по вопросам его ведения в порядке законодательной инициативы, подлежит рассмотрению в законодательном органе в соответствии с установленной процедурой. Законодательная инициатива прокурора Республики Саха (Якутия) не исключает участия прокурора в правотворческой деятельности путем внесения в законодательный орган и органы, обладающие законодательной инициативой, предложений об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных нормативных правовых актов Республики.

Во-вторых, в Республике Саха (Якутия) в силу изменения федерального законодательства возникла правовая неопределенность в смысле положений Конституции Республики Саха (Якутия) о праве законодательной инициативы республиканских политических партий. Как известно, из-за изменения федерального законодательства о деятельности политических партий с 14 июля 2003 г. республиканские политические партии утратили статус политических объединений. Решением VIII (внеочередного) съезда КПРФ на территории субъектов федерации были созданы ее структурные подразделения. Соответственно Коммунистическая партия Республики Саха (Якутия) с 18 апреля 2002 г. была преобразована в Якутское республиканское региональное отделение партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». В то же время положения Конституции Республики Саха (Якутия) наделяли правом законодательной инициативы исключительно республиканские политические партии. Возник вопрос: имеет ли право законодательной инициативы республиканское отделение политической партии, преобразованное из республиканской политической партии? Конституционный Суд Республики Саха (Якутия) в Постановлении от 7 июля 2003 г. № 7-П по делу о толковании части первой статьи 62 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия)¹³ разъяснил, что республиканское региональное отделение Коммунистической партии Российской Федерации как возникшее в результате преобразования Коммунистической партии Республики Саха (Якутия) в структурное подразделение общероссийской политической партии не является преемником субъективного права законодательной инициативы, принадлежавшего Коммунистической партии Республики Саха (Якутия), и может быть наделено правом законодательной инициативы посредством закрепления в Конституции Республики Саха (Якутия) соответствующего права за региональными отделениями политических партий, действующими на ее территории, а также путем предоставления этого права депутатским фракциям и депутатским группам, в которые входят депутаты Государственного Собрания (Ил Тумэн) от региональных отделений политических партий. Региональный законодатель в дальнейшем учел правовую позицию Конституционного суда Республики Саха (Якутия) и предоставил право законодательной инициативы республиканским отделениям политических партий.

Также правовые позиции конституционных судов имеют большое значение при регламентации порядка принятия законов в законодательных органах. Во многом данная

ситуация возникла в связи с неопределенностью категории «принятый закон». Так, в практике Законодательного собрания Санкт-Петербурга возникла ситуация, когда губернатор Санкт-Петербурга возвратил принятый Законодательным собранием закон, мотивируя это тем, что данный закон принят с нарушением установленной процедуры. Как считал губернатор, возвращение закона не может рассматриваться как использование высшим должностным лицом права вето, предусмотренного ст. 7 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации»¹⁴. Уставный суд Санкт-Петербурга в Постановлении от 24 декабря 2002 г. № 048-049 по делу о толковании отдельных положений статей 32 и 33 Устава Санкт-Петербурга¹⁵ констатировал, что закон Санкт-Петербурга, направленный Законодательным собранием Санкт-Петербурга губернатору Санкт-Петербурга для обнародования, соответствует всем уставным условиям принятия законов Санкт-Петербурга, если иное не установлено судом. Поэтому губернатор Санкт-Петербурга обязан либо обнародовать, либо отклонить поступивший к нему закон Санкт-Петербурга, направленный ему Законодательным собранием Санкт-Петербурга для обнародования, в том числе в случаях, если в результате юридической оценки губернатор Санкт-Петербурга придет к выводу о том, что при принятии закона Санкт-Петербурга Законодательным собранием были нарушены уставные условия его принятия.

Данная правовая позиция Уставного суда Санкт-Петербурга вызывает интерес также потому, что она фактически противоречит позиции Конституционного Суда РФ, который рассматривал аналогичное дело на федеральном уровне. Напомним, в Постановлении от 22 апреля 1996 г. по делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации¹⁶, рассматривая категорию «принятый федеральный закон», Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что не является отклонением федерального закона возвращение Президентом федерального закона в соответствующую палату Федерального Собрания в случае нарушения палатой установленных Конституцией РФ требований к порядку принятия федеральных законов и предусмотренных ею условий и процедур¹⁷. Таким образом, согласно позиции федерального конституционного суда акт, принятый парламентом в нарушение установленных процедур, не может рассматриваться как принятый закон. Стоит отметить, что ряд авторов считают возможным использовать данную правовую позицию федерального конституционного суда применительно к законодательному процессу и на региональном уровне¹⁸. Однако вряд ли решение Конституционного Суда РФ имеет прецедентный характер в отношении указанного вопроса. Правовая позиция Конституционного Суда РФ основана на расширительном толковании конституционного положения главы государства как гаранта Конституции РФ, поэтому ее полная экстраполяция на региональный уровень невозможна, так как далеко не в каждой конституции (уставе) субъекта РФ на высшее должностное лицо (руководителя высшего исполнительного органа субъекта РФ) возлагается обязанность гарантировать соблюдение Основного закона субъекта РФ. К тому же, на наш взгляд, правовая позиция Уставного суда Санкт-Петербурга больше соответствует принципам разделения властей и презумпции конституционности актов.

Конституционное право зарубежных стран не предусматривает права главы государства возвращать закон в парламент по мотивам нарушения порядка его принятия. В подобных случаях глава государства либо использует право вето, либо обращается в орган конституционного контроля. Конституционный Суд РФ фактически предоставил главе государства право возвращать закон в парламент неограниченное число раз, указывая на нарушение порядка принятия закона, затягивая законодательный процесс. При этом Президент Российской Федерации может возвращать в парламент и те акты, которые он согласно Конституции РФ не вправе отклонять (федеральные конституционные законы, законы РФ о поправке к Конституции РФ). Принимая подобное решение,

Президент вправе основывать его на собственном мнении, выраженном в одностороннем порядке, о наличии допущенных нарушений конституционных процедур принятия закона с учетом имеющихся у него фактов. Как нам представляется, делать вывод о нарушении процедуры принятия закона, которая определяется в первую очередь в Основном законе, должен только специализированный орган конституционного контроля – Конституционный Суд РФ – по обращению главы государства как гаранта Конституции РФ. На региональном уровне следует закрепить аналогичный порядок.

Кроме того, в ряде случаев в конституционной практике возникла правовая неопределенность в регламентации преодоления несогласия верхней палаты парламента в отношении законов, принятых нижней палатой двухпалатного парламента, и создании согласительных процедур для преодоления возникших разногласий между палатами парламента. Вызывает интерес практика Конституционного суда Республики Адыгея, который принял пять постановлений, чтобы урегулировать данный вопрос¹⁹.

Конституционный суд Республики Адыгея в Постановлении от 23 января 2002 г. № 3-П по делу о толковании пункта 7 статьи 72 Конституции Республики Адыгея²⁰ разъяснил, что под повторным рассмотрением Советом Республики закона Республики Адыгея, не получившего одобрения в Совете представителей, понимается однократное (на одном заседании) его рассмотрение Советом Республики для преодоления вето Совета представителей, результатом которого является решение о принятии либо непринятии соответствующего закона Республики Адыгея.

Для преодоления разногласия между палатами парламента может быть создана согласительная комиссия. В Постановлении Конституционного суда Республики Адыгея от 3 апреля 2003 г. № 2-П по делу о толковании пункта 6 статьи 72 Конституции Республики Адыгея²¹ разъясняется, что предложение о создании согласительной комиссии для преодоления разногласия между палатами парламента относительно принятия закона в единой редакции может исходить как от Совета представителей, так и от Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея. При этом толкуемая норма Конституции Республики Адыгея не включает в качестве обязательного элемента обязанность Совета представителей мотивировать свое решение об отклонении закона Республики Адыгея, принятого Советом Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея.

В практике Конституционного суда Республики отображены и вопросы преодоления вето главы Республики на принятый парламентом закон. Так, Конституционный суд Республики Адыгея в Постановлении от 10 апреля 2003 г. по делу о толковании пункта 2 статьи 72.1 Конституции Республики Адыгея²² указал, что в случае отклонения Президентом Республики Адыгея закона Республики Адыгея Совет Республики и Совет представителей Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея вновь рассматривают данный закон. Если Совет Республики при повторном рассмотрении не одобрит его двумя третями голосов в ранее принятой редакции, т. е. не преодолеет вето Президента Республики Адыгея, то сформулированные Президентом замечания к закону Республики Адыгея могут быть рассмотрены Советом Республики и Советом представителей в порядке, предусмотренном Конституцией Республики Адыгея.

В случае если Совет Республики преодолел вето Президента Республики Адыгея на закон Республики Адыгея, то он передается в Совет представителей, который также не менее чем двумя третями голосов одобряет закон. Закон Республики Адыгея, одобренный Советом представителей в ранее принятой редакции, считается принятым и подлежит подписанию и обнародованию Президентом Республики Адыгея.

Вето Президента Республики Адыгея должно быть преодолено Советом Республики и Советом представителей Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея, т. е. для одобрения закона в ранее принятой редакции необходимо квалифицированное большинство голосов обеих палат Государственного Совета – Хасэ Республики

Адыгея. Исключается возможность преодоления неодобрения закона Советом представителей путем повторного голосования в Совете Республики, а также создания согласительной комиссии, поскольку закон должен быть одобрен в единой, ранее принятой редакции.

Указанные правовые позиции нашли развитие в Постановлении Конституционного суда Республики Адыгея от 15 апреля 2003 г. № 4-П по делу о толковании пункта 3 статьи 72¹ Конституции Республики Адыгея²³. В данном решении содержится новое уточнение, согласно которому закон Республики Адыгея, отклоненный Президентом Республики Адыгея, повторно рассматривается в прежней редакции как Советом Республики, так и Советом представителей, независимо от того, был ли этот закон пассивно одобрен Советом представителей, либо закон был принят Советом Республики путем преодоления неодобрения Совета представителей. При этом закон, отклоненный Президентом Республики Адыгея, будет считаться принятым, если за него проголосовало не менее чем две трети от общего числа депутатов Совета Республики и Совета представителей Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея.

Указанные правовые позиции Конституционного суда Республики Адыгея вполне согласуются с правовыми позициями федерального Конституционного Суда при решении аналогичных вопросов в деятельности российского парламента. Так, Конституционный Суд РФ в названном постановлении от 22 апреля 1996 г. разъяснил, что в случае отклонения Президентом Российской Федерации федерального закона Государственная Дума и Совет Федерации в установленном Конституцией РФ порядке вновь рассматривают данный закон. Если отклоненный Президентом РФ федеральный закон не был повторно рассмотрен Советом Федерации, он не может считаться одобренным этой палатой, а вето – преодоленным. При этом рассмотрение в Совете Федерации федерального закона, подлежащего обязательному рассмотрению в этой палате, должно начаться не позднее 14 дней после его передачи в Совет Федерации. Если Совет Федерации в течение 14 дней не завершил рассмотрения принятого Государственной Думой федерального закона, подлежащего обязательному рассмотрению в Совете Федерации, этот закон не считается одобренным и его рассмотрение продолжается на следующем заседании Совета Федерации до вынесения решения о его одобрении либо отклонении²⁴.

При этом стоит отметить, что федеральный Конституционный Суд указал, что 14-дневный срок для рассмотрения принятого Государственной Думой закона в Совете Федерации исчисляется с момента его передачи в данную палату Федерального Собрания. Рассматривая аналогичный вопрос на региональном уровне, Конституционный суд Республики Тыва пришел к несколько иным выводам. Так, в Постановлении Конституционного суда Республики Тыва от 18 мая 2004 г. № 5-П по делу о толковании отдельных положений статьи 105 Конституции Республики Тыва в связи с запросом Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва²⁵ указано, что течение 14-дневного срока рассмотрения законов Республики Тыва, принятых Законодательной палатой Великого Хурала Республики Тыва и переданных в Палату представителей Великого Хурала Республики Тыва, необходимо исчислять в соответствии с Регламентом Палаты представителей Великого Хурала Республики Тыва.

Помимо перечисленных решений конституционных (уставных) судов, большое значение в практике регламентации законодательного процесса имеют выработанные этими органами правовые позиции относительно принятия закона установленным большинством депутатов законодательного органа. Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая известное дело «об общем числе депутатов», высказал правовую позицию, согласно которой положение об общем числе членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы следует понимать как численность этих органов, установленную Конституцией РФ²⁶. Очевидно, что, толкуя соответствующие нормы Конституции РФ, Конституционный Суд РФ исходил из их буквального смысла²⁷.

Органы конституционной (уставной) юстиции при решении данного вопроса заняли противоположную позицию. Так, Конституционный суд Республики Адыгея под «общим числом депутатов» предписывал понимать не конституционно установленное число депутатов, а «общее число избранных депутатов»²⁸. Конституционный суд Республики Саха (Якутия) словосочетание «общее число депутатов» интерпретировал как общее число избранных дееспособных депутатов Республики, статус которых подтвержден решением уполномоченного на то законом органа²⁹. В. О. Лучин, не соглашаясь с такой трактовкой, отмечал, что в этом случае соответствующие нормы Основного закона перестали бы носить обязательный характер, кроме того, общее число депутатов перестало бы носить фиксированный характер, а неизбранные депутаты не могут голосовать по определению³⁰. Впоследствии региональные законодатели в связи с внесением изменений в федеральное законодательство восприняли правовую позицию федерального Конституционного Суда.

Представленный анализ позволяет продемонстрировать ту роль, которую играют органы конституционного правосудия в регламентации законодательного процесса. При этом во многих случаях решения региональных конституционных (уставных) судов основаны на правовых позициях федерального Конституционного Суда, сформулированных при рассмотрении аналогичных дел. Однако с некоторыми правовыми позициями федерального Конституционного Суда решения конституционных (уставных) судов не согласовываются. Но в этом не усматривается никакого противоречия, поскольку федеральный Конституционный Суд и конституционные (уставные) суды осуществляют толкование различных актов – Конституции РФ и конституций (уставов) субъектов РФ – даже при рассмотрении вопросов, которые относятся к сфере совместного ведения. В связи с этим не представляется возможным согласиться с М. А. Митюковым, который считает, что любые правовые позиции Конституционного Суда РФ обязательны для органов региональной конституционной юстиции³¹. Хотя следует констатировать, что правовая логика законодательного процесса в субъектах РФ и на федеральном уровне должна быть одинаковой. Но такое единство в правовом регулировании должно не «навязываться» сверху, а исходить из правовых принципов, выработанных в практике парламентских процедур и признанных в ходе толкования соответствующих конституционных (уставных) положений органами региональной конституционной юстиции. Таким образом, развитие парламентаризма, укрепление принципа разделения властей, обеспечение законности немыслимо без соответствующих решений конституционных (уставных) судов, которые нередко восполняют пробелы парламентского права в части регламентирования законодательного процесса в субъектах РФ.

¹ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 206.

² Корельский В. М. Теория государства и права. М., 2005. С. 384–385.

³ Белкин А. А. Источники права и судебная практика в Российской Федерации // Учен. зап. Института права. СПб., 2001. Вып. 8. С. 8.

⁴ Митюков М. А. Современные тенденции развития региональной конституционной юстиции (опыт социологического осмысления) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 19.

⁵ Аничкин Е. С. «Преобразование» конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в решениях региональных органов конституционной юстиции // Рос. юстиция. 2010. № 2. С. 5.

⁶ Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 182.

⁷ Митюков М. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник парламентского права // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования. М., 1997. С. 137.

⁸ Постановление Конституционного суда Республики Саха (Якутия) от 16 января 1995 года № 2-П по делу о толковании норм Конституции Республики Саха (Якутия) о конституционных законах // Саха Сирэ. 1995. 20 янв.

⁹ Федеральное конституционное право. Основные источники / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1996. С. 9; Визер Б. Некоторые размышления по поводу иерархии норм в системе конституционного права Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 2. С. 22.

¹⁰ СЗ РФ. 2009. № 45. Ст. 5261.

¹¹ В настоящее время прокурор Республики Саха (Якутия) права законодательной инициативы в Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) не имеет.

¹² Якутия. 1999. 10 марта.

¹³ Якутские ведомости. 2003. 9 авг.

¹⁴ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 2003. 4 янв.

¹⁶ Вестн. Конституционного Суда РФ. 1996. № 3.

¹⁷ По мнению А. А. Котенкова, существуют следующие основания для возвращения закона без рассмотрения: законопроект внесен ненадлежащим субъектом; отсутствует необходимое в таких случаях заключение Правительства; закон не был рассмотрен верхней палатой парламента, когда это являлось обязательным; нарушены сроки направления закона в верхнюю палату парламента, его рассмотрения и направления главе государства; федеральный конституционный закон принят по вопросу, не установленному Конституцией; процедура голосования ставит под сомнение результаты волеизъявления палаты парламента; текст присланного для промугьгации закона не соответствует тексту, за который голосовали депутаты (*Котенков А. А. Актуальные проблемы взаимоотношения Президента РФ и Государственной Думы РФ в законодательном процессе // Государство и право. 1998. № 10. С. 15–17*).

¹⁸ Так, Е. В. Холодилова считает, что в законодательстве следует закрепить следующие положения: высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа субъекта РФ) вправе возвращать закон в парламента в случае нарушения процедуры его принятия; срок для такого возвращения закона в парламента; данное возвращение обязательно должно быть письменно мотивировано; в случае несогласия парламента с возвращением закона возникший спор должен быть разрешен в органе конституционного (уставного) правосудия или в суде общей юрисдикции в случае отсутствия такого суда в регионе (*Холодилова Е. В. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 23*).

¹⁹ В настоящий момент данные решения фактически утратили силу в связи с тем, что Государственный Совет Республики Адыгея является однопалатным.

²⁰ СЗ Республики Адыгея. 2002. № 1.

²¹ Там же. 2003. № 4.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1995 г. № 1-П по делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.

²⁵ Тувинская правда. 2004. 27 мая.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П по делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (часть 2 и 5), 107 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.

²⁷ Следует подчеркнуть, что, принимая данное решение, судьи Конституционного Суда РФ фактически проигнорировали позицию авторов текста Конституции – участников Конституционного совещания. Члены рабочей группы Конституционного совещания, которая специально рассматривала данный вопрос, согласились с тем, что понятие общего числа депутатов Государственной Думы не тождественно понятию состава Государственной Думы и в своем арифметическом выражении может отличаться от конституционно установленного числа депутатов Государственной Думы (450). На это противоречие указывается в судебной практике и научной литературе (Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Б. С. Эбзеева по делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (часть 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3; *Белкин А. А. Дело про «общее число депутатов» // Правоведение. 1996. № 2. С. 3–14*).

²⁸ Постановление Конституционного суда Республики Адыгея от 11 июля 2002 г. № 7-П по делу о толковании пункта 3 статьи 70, пункта 2 статьи 72.3 Конституции Республики Адыгея // СЗ Республики Адыгея. 2002. № 7.

²⁹ Постановление Конституционного суда Республики Саха (Якутия) от 17 апреля 2000 года № 6-П по делу о толковании статей 143, 144 Конституции Республики Саха (Якутия) // Якутия. 2000. 4 мая; Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 19 марта 2001 года № 5-П по делу о толковании статьи 143 Конституции Республики Саха (Якутия) // Якутия. 10 апр.

³⁰ *Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 545–546.*

³¹ *Боброва В. К., Митюков М. А. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. М., 2004. Ч. 2. С. 72.*